

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л.И. ДУМАНА

А.Н. Хохлов
ИВ РАН

Л.И. Думан: тернистый путь настоящего ученого

Старшему поколению востоковедов-россиян, переживших в раннем или зрелом возрасте тяжелые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., хорошо известен замечательный китаист Лазарь Исаевич Думан (1906–1979), глубокий знаток проблем древней, средневековой и новой истории Китая, оставивший после себя немало фундаментальных трудов, посвященных наиболее актуальным аспектам истории китайского общества и государства начиная с эпохи древности до периода, предшествовавшего образованию КНР.

Уже в детские и юношеские годы Л.И. Думан столкнулся с суровыми испытаниями. В возрасте 13 лет ему пришлось самостоятельно зарабатывать себе на хлеб (торговать квасом, папиросами и т.д.). Только неистребимое желание получить образование, сначала среднее, а затем высшее, привело его в стены Ленинградского университета, где окончательно определился его выбор будущей профессии.

Факт оставления китаиста Л.И. Думана в Ленинградском университете для научной работы после окончания им полного курса обучения в мае 1930 г. может служить, с одной стороны, убедительным свидетельством растущего интереса Советской России к странам Востока, и в частности к соседнему Китаю, а с другой – доказательством нехватки специалистов-востоковедов. На это, в частности, указывал видный индолог С.Ф. Ольденбург (1863–1934), возглавлявший в 30-х годах Институт востоковедения в Ленинграде. Вот что он писал по этому поводу при подготовке отчета института за 1932 г.: «Пропаганда знания Востока является [ныне] особенно необходимой, потому что нельзя не признать, что знание Востока чрезвычайно недостаточно, несмотря на несомненно существующий к нему интерес». И далее: «Наше молодое востоковедческое поколение страдает от недостатка знания восточных языков, а отчасти и западных» (цит. по [2, ф. 208, оп. 2, ед. хр. 127, л. 20, 10]).

Вопреки огромным материальным трудностям и благодаря безграничному трудолюбию и феноменальной настойчивости в изучении китайского языка в студенческие годы и в период обучения в аспирантуре Л.И. Думан стал высококвалифицированным специалистом–преподавателем и исследователем истории Китая, ставшей главным направлением его творческой деятельности в последующие годы, наполненные ревностным служением науке о Востоке. В этой связи нельзя не вспомнить характеристику, данную в 1936 г. молодому исследователю выдающимся китаеведом акад. В.М. Алексеевым: «Зная т. Думана по университетской аудитории, а равно по его занятиям и докладам в Китайском кабинете Института востоковедения, могу охарактеризовать его как очень дельного китаиста, способного самостоятельно вести исследовательскую работу. В частности, китайский текст исторического порядка ему знаком особенно хорошо, и вообще надо признать его успехи значительными» (цит. по [4]; здесь и далее курсив мой. – А.Х.).

Еще в пору формирования своих научных интересов – в период обучения в Ленинградском университете и в годы учебы в аспирантуре Л. И. Думан привлек внимание научной общественности не только своей преданностью благородным идеалам российского востоковедения, но и неукоснительным исполнением даваемых ему общественных поручений. Благодаря этому он запомнился своим коллегам по работе как трудоголик, погруженный в изучение сложнейших проблем китайской истории, а в кругу студентов и аспирантов его считали отличным товарищем и умелым организатором творческой молодежи. Далекое не случайно японистка Ф.А. Годер, автор публикаций по истории Тайваня, говорила о молодом Думане как энергичном комсомольском вожаке, отличавшемся принципиальной честностью и доброжелательным подходом к решению возникавших перед молодежью острых проблем в трудные для Советской России 30-е годы.

Чтобы более зримо представить жизненный и творческий путь Л.И. Думана в довоенный период, достаточно обратиться к его автобиографии, написанной 18 марта 1953 г. при поступлении на работу в Институт востоковедения АН СССР после длительной, с июля 1941 по сентябрь 1952 г., службы в армии. С учетом объема данного документа приводим ниже его текст со значительными сокращениями, касающимися общественной работы Л.И. Думана в разные периоды его жизни, а также сведений о составе его семьи к указанному времени:

«Родился в 1907 г. в Ленинграде (С.-Петербург) в семье рабочего-ремесленника. Отец – по национальности еврей – происходил из бедной мещанской семьи, родом из г. Двинска. С малых лет его отдали в учение к водопроводчику-меднику. В дальнейшем отец был рабочим и долгое время работал на различных заводах Ленинграда. После забастовок 1905 г. ... был то ремесленником, то рабочим... Во время голода в 1918 г. [он] вместе с семьей эвакуировался в г. Ижевск, где работал на оружейном заводе. После захвата Ижевска белыми выехал с семьей в г. Колывань, где занимался мелкой кустарной работой... С освобождением

гг. Колываня и Новосибирска Красной Армией переехал в Новосибирск, где работал до самой смерти (февраль 1920 г.) водопроводчиком на городской водокачке.

Мать моя все время была домашней хозяйкой, она умерла в 1914 г. После смерти матери отец женился вторично... После смерти отца я стал жить самостоятельно, уйдя от мачехи... Был курьером, конторщиком, затем счетоводом – после окончания в 1921 г. курсов бухгалтерии. До конца 1921 г. служил в советских учреждениях, затем после сокращения штатов при введении НЭП'а некоторое время был безработным, после чего поступил в частный комиссионный магазин, где работал кассиром и счетоводом до конца 1924 г. С ноября 1924 г. до января 1925 г. (включительно) болел (перенес операцию гнойного аппендицита, крупозное воспаление легких). В феврале 1925 г. поступил [на службу] в Сибкрайфинотдел, где работал счетоводом до июня 1926 г. Одновременно с осени 1923 г. до лета 1926 г. учился в вечерней школе [для] взрослых – повышенного типа. После окончания школы поехал учиться в Ленинград, [где] поступил в Государственный Университет, на Восточное отделение факультета языкознания и материальной культуры, *на китайский разряд*. Окончил Университет в мае 1930 г. и оставлен [при вузе], чтобы вести научную работу. С июня по август 1930 г. временно работал зам. заведующего Восточной библиотекой Ленинградского Государственного Университета, а с сентября того же года был зачислен в аспирантуру Историко-лингвистического института, образовавшегося на базе одноименного факультета Ленинградского Государственного Университета. Одновременно с зачислением в аспирантуру назначен заведующим Восточным, а затем Переводческим отделением Историко-лингвистического института (работал один год – с сентября 1930 г. по октябрь 1931 г.). *В сентябре 1932 г. поступил в аспирантуру Института востоковедения Академии Наук СССР, одновременно преподавал китайский язык в Историко-лингвистическом институте.* В апреле 1935 г. защитил диссертацию на тему «Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в.» (и) получил степень кандидата исторических наук. Работа (диссертация) была опубликована в 1936 г. После окончания аспирантуры зачислен на должность старшего научного сотрудника Института востоковедения АН СССР, одновременно исполнял обязанности ученого секретаря Китайского кабинета этого же института.

С 1936 г. стал преподавать историю Китая в Ленинградском Восточном институте, а с 1937 г. до июня 1941 г. в Ленинградском Государственном Университете на историческом и историко-филологическом факультетах.

С сентября 1940 г. до июня 1941 г. находился в составе докторантов Академии Наук СССР. В течение короткого времени (июнь–июль 1941 г.) был заместителем директора Института востоковедения АН СССР.

С 1932 г. начал заниматься творческой (литературной) научной деятельностью [и] до 1941 г. написал около 20 научных работ, большая часть которых была опубликована. Участвовал в соревновании молодых научных

сотрудников, посвященном 20-летию ВЛКСМ. Обе представленные [мною на конкурс] работы («Очерки (лекции) по древней истории Китая», «Дунганское восстание в Китае в 1862–1877 гг.») удостоены первой премии.

В начале июля 1941 г. добровольно вступил в ленинградское ополчение, а затем вскоре был направлен как специалист (по образованию и профессии) на Дальний Восток. С августа 1941 г. до сентября (включительно) служил [в вооруженных силах] ДВ фронта, участвовал в войне против империалистической Японии в составе войск 2-го Дальневосточного фронта. С ноября 1945 г. по сентябрь 1952 г. находился в частях Советской Армии в Порт-Артуре. В октябре 1952 г. демобилизовался и поступил в Институт востоковедения Академии Наук СССР [в Москве]» (цит. по [1]).

После более чем 10-летней службы в армии, требовавшей огромного напряжения сил и крепкого здоровья в условиях военного времени, Л.И. Думан вернулся к привычной для него научной работе в стенах Института востоковедения, куда его приняли по личному заявлению от 8 октября 1952 г. старшим научным сотрудником сектора Китая, причем с оплатой работы по смете Ленинградского отделения ИВ АН СССР, где он работал до войны. После образования в институте нового сектора – истории и экономики народно-демократических стран Дальнего Востока – он по приказу от 27 февраля 1953 г. становится его сотрудником (с тем же окладом в 3 тыс. руб. в месяц). Одновременно участвует в подготовке коллективного труда «Всемирная история», главное руководство по написанию которого была возложено на Институт истории АН СССР (в Москве). Следует напомнить, что подготовка этого многотомного труда планировалась еще в 1938 г. с привлечением к этой работе Л.И. Думана, которому по плану 1938 г. предлагалось написать два раздела: один под названием «Китай в конце XVIII – начале XIX в.» (с кратким введением, хронологически охватывающим историю Китая с XII по XVIII в.) и другой – «Китай во второй половине XIX в.» (для первого и четвертого томов, касающихся периода новой истории). Кроме того, Л.И. Думану и японисту Н.И. Конраду предлагалось совместно написать для второго и четвертого томов «Истории средних веков» разделы: «История Китая и Японии в первые тысячелетия до н.э. до IX века» и «Китай и Япония в X–XI веках».

Кроме упомянутых крупных работ, которые планировались Институтом востоковедения АН СССР в 1938 г., предполагалось вести подготовку к изданию перевода «Тун-цзянь ган-му», выполненного монахом Иакинфом (Н.Я. Бичуриным), причем руководителем данной работы был выбран акад. В.М. Алексеев (1882–1951), а исполнителями – Л.И. Думан, Л.Н. Рудов (1884–1941), В.Н. Казин (1907–1942), А.А. Штукин (1904–1963) и другие китаисты [2, ф. 3, оп. 1–1938, д. 31, л. 5].

Участие в подготовке «Всемирной истории» (формально – по сообщению зам. директора Института истории Е.М. Жукова – до конца мая 1955 г.) не помешало Л.И. Думану выступить на заседании научной общественности Москвы в здании Института востоковедения (под председательством

члена-корреспондента А.А. Губера) с интересным и содержательным докладом о жизни и деятельности выдающегося китайского историографа Сыма Цяня в связи с 2100-летием со дня его рождения. Яркое выступление историка-китаиста об известном деятеле китайской культуры вскоре стало известно в Китае благодаря сообщению ТАСС–Синьхуа, опубликованному 28 декабря 1955 г. в пекинской газете «Дружба» (№ 219)¹.

Успешный послевоенный старт Л.И. Думана в работе, связанной с подготовкой «Всемирной истории»² и педагогической деятельностью, совпал по времени с обсуждением в высших инстанциях вопроса о создании в Москве нового центра китаеведческих исследований на базе соответствующих подразделений Института востоковедения, занимавшихся изучением истории, экономики и филологии Китая. При обсуждении на Президиуме АН СССР доклада Б.Г. Гафурова «О задачах и структуре Института востоковедения» 5 сентября 1956 г., президент АН СССР А.Н. Несмеянов, выразив недоумение по поводу того, что директор Института востоковедения ничего не сказал об изучении Китая, заявил: «Действительно, вызывает недоумение то обстоятельство, что здесь не упомянут Китай. Это [произошло] по той ясной причине, что сейчас идет подготовка создания института Китая. Но на этой стадии не понятно и, может быть, вызывает некоторое смущение... что Китай не упомянут. Надо найти форму, в которой это обстоятельство [следует] упомянуть: предусмотреть вопрос о выделении сектора Китая в самостоятельный институт, о создании на основе этого сектора самостоятельного института». На вопрос участвовавшего в этом заседании акад. В.С. Немчинова: «Институт Китая в каком отделении [будет находиться]?», председательствующий А.Н. Несмеянов ответил: «Разумеется, в том же самом, в каком находится Институт востоковедения» [2, ф. 2, оп. 3-а, д. 200, л. 23].

На заседании Президиума АН СССР, состоявшемся 26 октября 1956 г. под председательством А.Н. Несмеянова, перед собравшимися выступил П.Н. Третьяков, один из функционеров, связанных с руководством Академии Наук, который сообщил краткие сведения относительно создания в стране нового центра по изучению Китая. Выступавший, в частности, констатировал: «7 сентября этого года Президиум АН вынес постановление о реорганизации и расширении работы Института востоковедения АН СССР. *Отныне Институт востоковедения превращается в один из наиболее крупных институтов Отделения Академии Наук. Другим крупным мероприятием по расширению востоковедческих исследований является организация на базе китаеведческих секторов Института востоковедения особого Института, который должен изучать опыт социалистического строительства в КНР, а также вопросы истории, экономики, языка, литературы и культуры 600-миллионного китайского народа...* В проекте постановления сформулированы основные задачи [нового] Института. Это – проведение научных исследований в области государственного, экономического, культурного строительства, истории, языка, литературы и международных отношений КНР, подготовка кадров в указанных областях, осуществление переводов и подготовка к изданию исторических и

литературных памятников... Структура [будущего] Института такая: [в нем] девять подразделений: сектор истории Китая, экономики Китая, государственного строительства, сектор по изучению языков народов Китая, литературы и культуры Китая, сектор публикации памятников культуры и общественно-политической литературы, отдел научной информации и редакционно-издательский совет, который будет осуществлять, в частности, переводы китайской литературы».

При обсуждении проекта постановления споры присутствующих на заседании разгорелись вокруг названия института. Член-корреспондент АН СССР Н.М. Сисакян высказал некоторое сомнение по поводу того, что в проекте указано «Институт советского востоковедения», а не просто «Институт китаеведения» или «Институт Китая». На это замечание А.С. Перевертайло (будущий директор нового института) заявил: «В проекте решения Президиума записано то название, которое было принято решением Президиума ЦК КПСС. Работники же Академии Наук давали название более короткое – Институт Китая». Когда же акад. В.А. Энгельгард нерешительно предложил, нельзя ли назвать новый научный центр Институтом синологии, ему ответил А.Н. Несмеянов: «Зачем вводить иностранное слово? Вообще же я думаю, что дело не в названии, а в содержании». После того как акад. В.В. Виноградов заявил, что самое простое название, соответствующее Институту востоковедения, это «Институт китаеведения», а его мнение поддержал кто-то из присутствовавших в зале заседания, А.Н. Несмеянов, согласившись с этим названием, предложил принять постановление в целом [2, ф. 2, оп. 3-а, д. 201, л. 249а–250].

После создания Института китаеведения Л.И. Думан стал одним из его ведущих руководителей. В декабре 1956 г. он в качестве заместителя директора нового института отправился в Китай в командировку на два месяца для сбора материалов по истории Китая, при этом ему была придана группа лингвистов из трех китаистов (в составе И.М. Ошанина³, Б.К. Пашкова и Н.В. Солнцева), которая также направлялась в КНР на два месяца для отбора материалов для большого академического китайско-русского словаря⁴.

Поездке Л.И. Думана и его трех подопечных в Пекин благоприятствовал обмен дружескими поздравлениями по случаю нового, 1957 года между руководителями академий наук двух соседних стран. В международной телеграмме Го Можо из Пекина, полученной, судя по московскому штампу, 30 декабря 1956 г., на имя А.Н. Несмеянова говорилось: «По случаю наступления Нового, 1957 года разрешите послать Вам и в Вашем лице советским ученым мои сердечные поздравления и искренние поздравления [от] ученых нашей страны» (цит. по [2, ф. 579, оп. 1 доп., д. 397, л. 80]). В отличие от новогодних телеграмм в предшествующие годы, и в частности от телеграммы Го Можо, полученной в Москве 3 января 1955 г., она была краткой, тогда как в последней высоко оценивалась научно-техническая помощь СССР народному Китаю. В ней подчеркивалось важное значение этого фактора для китайских ученых: «За пять лет ваша бескорыстная помощь, оказанная нам в науке и технике, воодушевила

наших ученых и усилила их твердое решение в служении социалистическому строительству своей Родины. Желаем дальнейшего усиления культурной связи и сотрудничества и новых побед в деле защиты и укрепления мира во всем мире» (цит. по [2, ф. 579, оп. 1 доп., д. 116, л. 30]).

Любопытное свидетельство пребывания Л.И. Думана в китайской столице весной 1957 г. приводит выходящий в Пекине журнал «Народный Китай» (в рубрике под названием «Культурная жизнь. Лекции по истории Китая»): «Недавно в Пекинском университете под руководством известного китайского историка, декана исторического факультета проф. Цзянь Боцзяня организован лекторий по вопросам истории... Ввиду того, что периодизация китайской истории вызывает споры среди историков различных стран мира, [его] трибуна была открыта также для иностранных ученых... Первую лекцию на тему “Несколько вопросов об изучении истории” прочел директор 3-го научно-исследовательского института истории АН Китая известный историк проф. Фань Вэньлань... Он охарактеризовал труд проф. Народного Университета Китая Шан Юэ – “Краткий очерк истории Китая”, выпущенный в 1954 г., как типично догматическое произведение, в котором автор изложил развитие китайской истории по схеме исторического развития Западной Европы и в связи с этим неправильно истолковал исторические факты... Проф. Шан Юэ заявил, что он примет участие в дискуссии и позже выступит с лекцией...

Представитель другой исторической школы Президент АН Китая Го Можо также получил приглашение выступить с лекцией. Возглавляемая Го Можо историческая школа считает, что “эпоха воюющих княжеств [Чжань-го”] (903–221 гг. до н.э.) представляет собой переходный период китайского общества от рабовладельческого к феодальному.

После проф. Фань Вэньлани с лекцией на тему “Экономика китайского общества [при] династии Западная Хань” выступил находившийся в Китае зам. директора Института китаеведения АН СССР Л.И. Думан. Он высказал точку зрения о том, что в эпоху династии Западная Хань Китай являлся феодальным, а не рабовладельческим государством, и привел в подтверждение своих взглядов богатый фактологический материал» (цит. по [10, № 9 от 1 мая 1957 г.]).

Касаясь проявленного интереса различных слоев населения китайской столицы к упомянутому лекторию, организованному в соответствии с известным призывом «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые», китайский журнал привел такие факты о числе слушателей на упомянутых лекциях: «На первых двух лекциях присутствовало по 3 тыс. слушателей. 40% аудитории (слушателей) составляли студенты и преподаватели других вузов, работники литературы и искусства, инженеры и техники, работники государственных учреждений и офицеры НОА. На лекциях присутствовала дочь шведского посла, ученица известного шведского китаеведа Бернхарда Карлгрена – Аннака Бун, голландский китаевед Пит ван дер Лун, египетский археолог Эль-Эмир и др.»⁵.

С учетом огромного объема проделанной Л.И. Думаном работы в Китае по выявлению оригинальных источников по различным периодам истории

Китая, слабо представленных в библиотеках Ленинграда и особенно Москвы, Президиум АН СССР распоряжением от 18 мая 1957 г. (задним числом, когда историк-китаевед уже вернулся из Китая) оформил продление ему срока командировки на 32 дня, тем самым поддержав его важные научные изыскания. Однако огромная организационная работа, свалившаяся на плечи Л.И. Думана после возвращения из Пекина, вынудила его отказаться от должности заместителя директора в связи с резким ухудшением здоровья, после чего его назначили и.о. заведующего сектором древней и средневековой истории и публикации памятников культуры Китая.

О весомых заслугах Л.И. Думана перед отечественным востоковедением (до и после ликвидации Института китаеведения в 1961 г.) позволяет судить развернутый отзыв тогдашнего заведующего Отделом Китая Института народов Азии (бывшего Института востоковедения), известного китаиста и дипломата д.и.н. Сергея Леонидовича Тихвинского в связи с очередной аттестацией Л.И. Думана на новый пятилетний срок в должности старшего научного сотрудника. Вот что говорилось в этом документе от 3 апреля 1963 г., направленном в Историческую секцию Ученого совета упомянутого института на предмет рассмотрения и одобрения назначения указанного лица путем тайного голосования:

«Старший научный сотрудник сектора истории Отдела Китая Института народов Азии АН СССР ДУМАН Лазарь Исаевич работает в системе Академии Наук СССР с 1932 г.

Тов. Думан является ведущим и одним из наиболее квалифицированных специалистов и знатоков древней и средневековой истории Китая в Советском Союзе. Его перу принадлежат десятки исследовательских работ по истории Китая разных периодов, общие курсы истории Китая, отдельные разделы во «Всемирной истории», большое число статей в «Большой Советской» и «Исторической» энциклопедиях и [множество] рецензий.

За последние шесть лет, несмотря на тяжелую болезнь (инфаркт миокарда), тов. Думан продолжал интенсивную научно-исследовательскую работу над проблемами, главным образом древней истории Китая. Им опубликовано пять работ (не считая статей в энциклопедиях) общим объемом 7 п.л., в том числе статьи «К вопросу о социально-экономическом строе Китая в III в. до н.э.» («Вопросы истории», № 2, 1957 г.), «О роли рабства в эпоху Инь» (сб. «Китай и Япония»), «Система родства и реальные формы брака в эпоху Инь» («Краткие сообщения ИНА», № 53) и др.

Тов. Думан сдал в печать монографию объемом 32 п.л., которая утверждена Ученым Советом к изданию. Это исследование – результат многолетнего напряженного труда ученого. [Оно] раскрывает картину общественного строя Китая во втором тысячелетии до нашей эры, основано на изучении тысяч древнейших надписей на иньских костях и является, несомненно, важной вехой в изучении этого периода [древнейшей истории Китая] в СССР. Кроме того, тов. Думан завершил работу еще над пятью рукописями объемом до 10 п.л., сданными в различные сборники.

За рассматриваемый период тов. Думан провел ответственно редактирование пяти книг, уже вышедших из печати (объемом 76 п.л.). Шесть

статей Л.И. Думана за это время опубликованы за рубежом на китайском, японском и английском языках.

Серьезные научные достижения Л.И. Думана, особенно в области социально-экономической истории Китая в периоды древности и средневековья, дают полное основание Отделу Китая ходатайствовать перед Ученым Советом об избрании Лазаря Исаевича Думана на должность старшего научного сотрудника на очередные пять лет» (цит. по [1]).

Плодотворная научная деятельность Л.И. Думана в предшествующие годы дала основание Ученому совету Института народов Азии поставить вопрос о присвоении ему ученой степени доктора исторических наук по совокупности выполненных им работ – на основе отзывов рецензентов, в качестве которых выступили д.и.н. С.Л. Тихвинский, д.и.н. М.А. Коростовцев, д.и.н. Сапожников и академик В.В. Струве. В ходе тайного голосования членов Ученого совета, состоявшегося 1 июля 1963 г., за присвоение Л.И. Думану ученой степени доктора исторических наук было подано 23 голоса, против – 4, при этом недействительным оказался один бюллетень. Основываясь на этих результатах голосования, Ученый совет принял постановление ходатайствовать перед Высшей аттестационной комиссией о присвоении Л.И. Думану искомой степени доктора исторических наук, что было оформлено подписями чл.-корр. АН СССР Б.Г. Гафурова (в качестве Председателя Ученого совета) и Ю.В. Ганковского (тогда кандидата исторических наук, выполнявшего функции ученого секретаря). Отсутствие единодушия в тайном голосовании на заседании Ученого совета, видимо, повлияло на позднее рассмотрение его ходатайства перед ВАК'ом, положительное решение которого последовало лишь 11 декабря 1965 г. Это, однако, не помешало Л.И. Думану активно продолжать разработку актуальных проблем китайской истории, в том числе касающихся внешней политики Китая при маньчжурской династии Цин (правившей китайским государством со времени захвата маньчжурами Пекина в 1644 г. до ее отказа от китайского престола в ходе Синьхайской революции 1911–1912 гг.).

Из-за огромного объема текущих дел, связанных с запросами различных организаций по поводу современных событий в Китае и относительно мер, способных ослабить негативное влияние возникавших на почве идеологических разногласий между двумя соседними странами недоразумений и конфликтов, деловые и научные контакты ученых, а также из-за трудностей с подготовкой аспирантов из Казахстана и Средней Азии, нередко слабо знавших русский язык для написания диссертаций, состояние здоровья Л.И. Думана, стремившегося помочь каждому, кто приходил к нему за советом, заметно ухудшилось. Об этом позволяет судить его заявление от 1 октября 1968 г. с просьбой ограничить число его присутственных дней в институте для выполнения плановых и внеплановых заданий и разрешить работу в библиотеке или на дому. Вот что он писал: «В связи с обострением болезни сердца (стенокардия напряжения, коронарная недостаточность) прошу разрешить мне посещать Отдел [Китая] один раз в неделю, кроме дней заседания сектора или Отдела». В соответствии с этой

просьбой Р.В. Вяткин, возглавлявший тогда сектор, в котором работал Л.И. Думан, в тот же день направил заместителю директора института следующее ходатайство: «Убедительно прошу удовлетворить просьбу тов. Думана по состоянию здоровья. С точки зрения научной и в деле руководства группой это ущерба не принесет, [т.к.] в нужное время Отдел будет вызывать тов. Думана в другие дни»⁶.

В августе 1969 г. Л.И. Думан, продолжавший настойчиво трудиться над различными сюжетами китайской истории, был переизбран на новый срок старшим научным сотрудником, а 5 октября 1970 г. его оформили консультантом Отдела Китая Института востоковедения (с окладом 190 руб. в месяц).

5 мая 1977 г. руководство Института в лице заместителя директора д.э.н. Г.К. Широкова объявило приказом Л.И. Думану благодарность за многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность, чем фактически поставило ученого-китаеведа в один ряд с другими видными отечественными востоковедами, снискавшими славу своими трудами в изучении истории и культуры народов Востока.

В последние годы Л.И. Думан, часто прикованный к постели, усердно работал над проблемой сложения государства в древнем Китае, привлекая к ней свое внимание в разные периоды научной деятельности. Об этом свидетельствуют и его последние доклады, опубликованные в 1978–1979 гг. в материалах IX и X конференций «Общество и государство в Китае»: «О рабстве в Западном Чжоу» и «О формировании государства в древнем Китае (эпоха Шан-Инь)», основанные на скрупулезном изучении надписей на бронзовых сосудах и других древнекитайских текстов. Смерть безжалостно оборвала жизнь ученого в тот момент, когда он, преодолевая физические недуги, самоотверженно трудился над исследованием этой сложнейшей дискуссионной проблемы, тем самым лишив его возможности высказать по ней свое окончательное, документально аргументированное мнение в книге, оставшейся незавершенной. Среди других неоконченных работ Л.И. Думана следует назвать сохранившуюся в его семейном архиве рукопись «История внешней политики Китая с древнейших времен». Над ней автор усиленно работал, вдохновленный, по-видимому, примером акад. Е. Тарле, оставившего ряд интересных и увлекательных научно-популярных трудов по истории Франции (о Наполеоне и других деятелях этой страны), предназначенных для широкой публики⁷.

Скончался Л.И. Думан 29 июня 1979 г. в Москве от острой сердечно-сосудистой недостаточности, как сказано в свидетельстве о смерти. Он похоронен на Хованском кладбище, где усилиями его родных сооружен памятник, увековечивший нелегкую жизнь ученого-китаиста, прошедшего тернистый путь в науке, которой он был беззаветно предан всегда, со студенческой скамьи Восточного факультета Ленинградского университета. Дополнением к его портрету в камне, раскрывающему некоторые черты его духовного облика, отчасти могут служить архивные документы, приведенные в приложении (одни из них взяты из личного архива акад. В.М. Алексеева, другие найдены в бумагах, предназначенных к уничтожению при переезде Отдела Китая из одного помещения в другое).

Вклад Л.И. Думана в развитие отечественного востоковедения огромен и многообразен. Ему принадлежат десятки исследовательских работ по истории Китая разных периодов, университетские курсы лекций по древней, средневековой и новой истории Китая, огромное количество статей, написанных для энциклопедических изданий и научных справочников. Его исследования отличаются глубиной содержания, критическим анализом работ предшественников, широтой и обоснованностью общих выводов. Для большинства работ Л.И. Думана характерна солидная источниковедческая база, что говорит о его хорошем знании древнекитайского языка и отличном владении трудоемким историческим материалом, почерпнутым из древнекитайских канонических книг, династийных хроник, историко-географических сочинений и других китайских источников. В этом плане Л.И. Думана с полным основанием можно считать продолжателем лучших традиций отечественного китаеведения, наиболее ярко и рельефно представленных в трудах Н.Я. Бичурина, П.И. Кафарова (архимандрита Палладия), В.П. Васильева, В.М. Алексеева и других известных востоковедов. Прекрасное знание конкретно-исторического материала в сочетании с четкой позицией в методологических вопросах позволили Л.И. Думану создать аргументированную концепцию развития китайского общества в период древней, средневековой и новой истории, дальнейшую разработку которой можно видеть в работах его коллег и учеников. Его позиция в отношении националистических концепций зарубежной историографии довольно точно сформулирована в коллективной монографии «Внешняя политика государства Цин в XVII веке», вышедшей в 1977 г. при его активном авторском и редакторском участии.

Для совместного труда отечественных и монгольских историков – «Истории МНР», вышедшей первым изданием в 1954 г., Л.И. Думан написал большой раздел «Сложение племенных союзов и первых государств в Центральной и Восточной Азии». Весомый вклад Л.И. Думана в разработку наиболее сложных проблем истории Китая и Монголии был по достоинству оценен советской и зарубежной научной общественностью, а его неустанный труд во имя отечественной науки и дружбы между народами отмечен правительственными наградами СССР и МНР.

Исключительно требовательный к себе и предельно внимательный к своим коллегам, Л.И. Думан обладал чудесным даром общения с людьми, сочетавшим поразительную доброжелательность со строгой принципиальностью. Его интеллигентность, высоконравственное отношение к проблемам науки и научной этики оказали благотворное влияние на творческую молодежь, видевшую в нем не только своего наставника и старшего товарища, щедро делившегося своими знаниями и опытом, но и душевного друга, с которым можно было откровенно обсуждать и личные неудачи, и планы на будущее.

Жизнь и деятельность Л.И. Думана, крупного историка-востоковеда, – замечательный образец беззаветного служения науке и Отечеству. Его имя всегда с благодарностью будут вспоминать как те, кто знал его близко или работал рядом с ним, так и те, кому он своими трудами открыл путь в большую науку, научил своим личным примером любить ее до самопожертвования.

Приложение

1. Л.И. Думан – В.М. Алексееву (б/д, Ленинград)

Василий Михайлович!

Вы не знаете, что собой представляет французско-китайский словарь – Billquin'a? Кажется, фамилию автора я переврал. По внешнему виду этот словарь размер[ом] словаря Чэн Хун-цзи. Стоит ли его покупать? Прсят за него 30 руб.

Василий Михайлович, я, к сожалению, должен минут через 10–15 уйти: я провожу заседание в комитете ВЛКСМ.

Л. Думан

СПб. филиал Архива РАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 334, л. 3 (автограф).

2. Л.И. Думан – В.М. Алексееву (б/д, Ленинград)

Добрый день, Василий Михайлович!

Посылаю Вам обещанное. К сожалению, удастся переслать [Вам] только 23/1, так как в ИВ-е (Институте востоковедения) нет свободного курьера.

Очень извиняюсь. [Если не целиком,] произошло это не по моей вине.

Уважающий Вас Л. Думан

СПб. филиал Архива РАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 334, л. 4 (автограф).

3. Л.И. Думан – В.М. Алексееву (б/д, Ленинград)

Василий Михайлович!

Стоит ли это делать? *Я предпочитаю заработать это звание обычным путем, т.е. защитой докторской диссертации.* Когда это будет, правда, не знаю. Да это, собственно, не имеет значения (вопрос о сроках). С другой стороны, ИВ (Институт востоковедения) ведь не учебное заведение и имеет ли он право ходатайствовать по такому вопросу – не знаю, но сомневаюсь⁸.

СПб. филиал Архива РАН, ф. 820, оп. 3, д. 937, л. 47.

4. Л.И. Думан – В.М. Алексееву (8 октября 1945 г., г. Ворошилов [Уссурийск])

Добрый день, дорогой Василий Михайлович!

Простите за столь долгое и неприличное молчание. Есть очень много объективных причин, извиняющих меня. Впрочем, не скрою, частично виноват и я. Как-нибудь на досуге напишу Вам обо всем [этом] подробно. Сейчас [же] кратко сообщу о себе. Временно нахожусь в Ворошилове, но, возможно, придется задержаться здесь надолго. Через три часа выезжаю в Маньчжурию в командировку, числа до 20/X-45 г., а может быть, и до 1/XI-45 г.

Перспективы мои крайне туманны. Сейчас происходит огромная ломка старых форм, и пока еще нет ясности о нашем будущем. Есть опасность застрять здесь или уехать на неопределенный срок в страну «илоу» и чжурчжэней (Маньчжурию). С другой стороны, сейчас наиболее подходящий момент ставить вопрос о [моем] возвращении в Академию [Наук] или [Ленинградский] Университет. Но делать это нужно в высших ин-

станциях – ходатайствовать надо перед начальником Глав ПУ (Главного Политического Управления) РККА генерал-полковником Шикиным, о чем я сообщал Вам в телеграмме. Мои мысли и чувства всегда с Вами, хотя я скуп на слова и [нахожусь] далеко от Вас.

P.S. Благодарю за поздравления – Вы оказались пророком: награжден дважды и, между прочим, [оба раза] после получения Вашего письма⁹.

Страна нюйчжэней не понравилась: много грязи и нищеты. Сейчас еду в Гирин–Харбин–Муданьцзян и т.д.

Привет Виктору Мерицовичу [Штейну], жажду видеть Вас всех, очень соскучился по [настоящей] науке и серьезной [исследовательской] работе.

С приветом, уважающий Вас Л. Думан.

СПб. филиал Архива РАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 334, л. 1 (автограф).

5. Л.И. Думан – В.М. Алексееву (9 сентября 1947 г., [Порт-Артур])

Добрый день, дорогой Василий Михайлович!

Вы меня, наверно, похоронили, виной чему я сам. Я, правда, предпринимал попытку установить с Вами связь, но любезные доброжелатели помешали этому. В начале этого года я послал с Н.А. Петровым письмо, но он, как оказалось впоследствии, утерял его.

Я живу и работаю в городе русской славы. Скоро [уже] два года (с XI. 45 г.). О работе своей, [к сожалению,] не имею права ничего писать. Могу только сообщить, что очень близко сталкиваюсь с [просьбами] «лаобайсин» (простого люда)... Познакомился с ними основательно до такой степени, что [порой] «сидят в печенке».

Серьезно заниматься наукой не приходится. Это не значит, что я совершенно забросил [изучаемую] страну, книги. Далеко не так! Но глубоко и систематически, поднимая один пласт [материалов] за другим, заниматься не имею возможности: очень много повседневной, практической работы. Кое-что, правда, пишу, но главным образом о современном положении [Китая]¹⁰. Сейчас задумал работу о демократических преобразованиях в одной части [изучаемой] страны. Материала много – не успеваю просматривать [его], но все же думаю задуманное выполнить, и это, может быть, будет костяком докторской. Если ничего не изменится в моем положении, думаю на будущий год приехать к Вам в отпуск с работой, но ручаться не могу, так как в своем нынешнем состоянии не располагаю собой. Очень просил бы Вас оказать содействие в возвращении в родные пенаты, а действовать надо через Москву, Президиум АН СССР и Глав ПУ (Главное Политическое Управление) [Вооруженными силами]. Времени прошло много, может быть, и отпустят.

Как у Вас идут дела, какие вопросы поднимает ИВ (Институт востоковедения), как со здоровьем, над чем работаете? Вопросов рождается много, но не рискую перегружать Вас ими, зная Вашу [большую] загруженность. Как двигается дело со словарем: здесь острая необходимость в хорошем большом китайско-русском словаре и в особенности в русско-китайском.

Есть к Вам, Василий Михайлович, еще одна просьба: продвинуть вопрос о [нашем] местном музее. Здесь, в Порт-Артуре, есть музей восточной

культуры, весьма богатый экспонатами, но совершенно беспризорный. Там всего [лишь] один директор, да и тот «недоучка», географ из МГУ (говорит, что он окончил университет), но я в этом сомневаюсь.

До сих пор не решен вопрос: кому владеть музеем – АН СССР или передать «лаобайсин» (китайцам)? Последние без здания экспонаты не берут, а здание находится в [нашем] военном городке, и присутствие кого-либо постороннего, да еще крайне любознательного, – нежелательно. Из-за этого затянулось разрешение вопроса, и есть опасность расхищения [музейных] экспонатов. Мне заниматься этим некогда, да и самовольно, по-партизански, не имею права: существует военная дисциплина. Прошу настоять перед Президиумом АН СССР взять [музей] под опеку, хотя бы временно, до разрешения всех вопросов в общем плане. Если бы было официальное поручение через АН СССР и Глав ПУ ВС, я взял бы на себя временный присмотр за музеем и, может быть, даже [сделал] описание основных экспонатов. Но для этого требуется Ваше обращение в Президиум АН, а музей – жаль до боли!¹¹

Привет всему коллективу Ваших сотрудников, особенно Виктору Морцовичу [Штейну]. Если не затруднит, черкните или попросите кого-нибудь из товарищей [написать ответ]. Мой адрес: Полевая почта 92521/А. Желаю Вам долгого здоровья и плодотворного труда.

Уважающий Вас (и даже больше) Л. Думан.

СПб. филиал Архива РАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 334, л. 2 (автограф).

6. Телеграмма Л. И. Думана на имя В.М. Алексеева из г. Ворошилова Приморской области от 15 декабря 1947 г. (по ее служебному оформлению, по отправке и получению адресатом).

«Благодарю [за] подарок. Рад видеть доказательство [Вашего] неиссякаемого творчества. Желаю здоровья, дальнейших успехов. Верю [в свое] возвращение [в] родные пенаты. Думан».

СПб. филиал Архива РАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 334, л. 3 (автограф).

7. П.Е. Скачков – Л.И. Думану (13 декабря 1958 г., Ленинград)

Дорогой Лазарь Исаевич!

То, что я посылаю как отзыв о работе Илларионова¹², это не все, что можно было бы сказать.

Тема, конечно, нужная и интересная, но подана она плохо. Единственно, если [автору] удастся пересмотреть и обновить [рассматриваемый им] советский период, то как статью [про]пустить можно, но и то... [возникает] ряд сомнений.

Хорошо бы дать [эту работу] прочесть Ф.С. Быкову [в аспекте] философии с тем, чтобы он дал кратенький отзыв. Он мне уже сказал свое мнение, и оно согласуется с моим.

Если будет очень необходимо, напишу более подробно, но лучше не надо... Некогда!

Желаю Вам, дорогой Лазарь Исаевич, доброго здоровья и возможности работать безболезненно.

Всего хорошего.

Ваш П. Скачков.

8. Г.А. Ларионов – Л.И. Думану (4 января 1961 г., Ташкент)
Уважаемый Лазарь Исаевич!

Поздравляю с Новым годом и желаю Вам доброго здоровья в наступившем году. Как я уже писал Вам, в ноябре [1960 г.] я сделал сообщение о теме своей научной работы на Ученом совете. Тема была отклонена (во всяком случае, до повторного обсуждения). После этого я уехал на сбор хлопка и возвратился только в середине декабря. Еще до моего возвращения [в Институт востоковедения] [наш] директор уехала в Москву, а оттуда в туристическую поездку по Индии и должна [была] возвратиться [обратно] в середине января. После ее возвращения [сюда] что-нибудь должно выясниться относительно вторичного обсуждения темы моей работы на Ученом совете. Как обернется дело на этот раз, я не имею никакого представления, потому что [прежняя] мотивировка отклонения: «Объем работы слишком велик, и нет никакой гарантии, что переведенные материалы будут представлять какую-то ценность» – мне не понятна. Все мое сообщение сводилось к двум положениям:

1) намечаемые к переводу первоисточники представляют большую научную ценность,

2) большой объем работы вызывается самим назначением этого труда – служить полным собранием первоисточников по истории тюрок.

Мотивы отклонения [столь важной темы] в такой категорической форме без всякого указания на конкретные недостатки данной работы ставят меня в тупик, [поэтому] приходится гадать, на чем основывается данная мотивировка.

Лазарь Исаевич, я был бы Вам очень признателен, если бы Вы в письме высказали свое мнение о моем сообщении на Ученом совете, [поскольку] надеюсь, [что] Вы получили высланный мною текст данного сообщения.

В предыдущем письме я не упомянул об одном заслуживающем внимания выступлении [на Ученом совете]. Зав. Отделом публикаций Юлдашев пришел на заседание Совета, когда я уже закончил свое сообщение [относительно темы своей работы]. Взяв слово, он с большим пристрастием восхвалял конкретность, точность и полноту китайских источников, ссылаясь на беседу с [Н.В.] Кюннером. Свое выступление он закончил тем, что было бы желательно развернуть в институте работу с китайскими источниками по истории Средней Азии XVII–XIX веков. Такое выступление должно, по-видимому, определенным образом отразиться на утверждении моей темы.

Как я уже сообщал Вам, я пока прекратил работу над переводом [китайских материалов] и занялся другими пунктами согласованного с Вами плана:

а) во время пребывания [в колхозе] на уборке хлопка основательно проштудировал «Сравнительную грамматику» Ли Цзинси ([это] грамматика *вэньня*, замечательная тем, что все изложение и объяснение построено на принципе зависимости слова от его окружения и места в предложении);

б) повторил немецкий язык (который учил в школе) в такой мере, чтобы пользоваться иностранной литературой [на этом языке] по своей специальности;

в) после возвращения [из колхоза] с хлопка приступил к изучению французского языка и думаю через два месяца овладеть им [хотя бы в такой степени, чтобы [немного] знать литературу по специальности [на этом языке];

г) просматриваю литературу по истории Средней Азии.

Так обстоят дела на сегодняшний день. Как только что-нибудь выяснится относительно [моей] темы, сообщу Вам немедленно.

С глубоким уважением Г.А. Ларионов

P.S. Обратный адрес: Ташкент, Центральный телеграф, до востребования. Ларионову Г.А.

9. Директор Института китаеведения АН СССР А.С. Перевертайло – Гл. ученому секретарю Президиума АН СССР акад. А.В. Топчиеву (15 февраля 1957 г.)

«В соответствии с распоряжением Президиума АН СССР № 46-6 от 2 января 1957 г. в КНР была командирована группа работников Института китаеведения АН СССР в составе зам. директора института тов. Думана Л.И., зав. сектором языка д.ф.н. Ошанина И.М., ст.н.с. д.ф.н. Пашкова Б.К. и мл. науч. сотр. к.ф.н. Солнцевой Н.В.

Целью командировки является установление связей с соответствующими научными учреждениями Академии наук Китая, обсуждение 5-летнего плана Института китаеведения АН СССР, а также обсуждение совместных мероприятий [в подготовке] работ (подготовка Академического китайско-русского словаря, «Новейшей истории Китая», издание архивных документов по истории русско-китайских и советско-китайских отношений и др.). Каждый из командированных имеет также индивидуальное задание по плану научно-исследовательских работ [Института].

К настоящему времени командированная в КНР группа работников Института уже выполнила большую часть возложенных на нее задач и может возвратиться в установленный срок [в СССР].

Однако, как выяснилось, имеется необходимость задержать в Пекине зам. директора Института тов. Думана Л.И. еще по крайней мере на один месяц для организации перевода на китайский яз. «Новейшей истории Китая» с целью обсуждения ее совместно с китайскими историками (в этом деле встретились непредвиденные трудности), а также для организации вывоза в Москву китаеведческих библиотек б. Русской Духовной миссии в Китае и Харбинского консульства СССР, о чем Институт уже ставил вопрос перед Президиумом АН СССР в письме от 9 февраля 1957 г. за № 315/53-57.

Кроме того, Институт считает целесообразным дать возможность тов. Думану провести научно-исследовательскую работу по его [научной] теме (древняя история Китая), учитывая, что организационные вопросы отняли у него значительно больше времени, чем предполагалось.

Ввиду изложенного прошу продлить срок пребывания тов. Думана Л.И. в КНР на один месяц»¹³.

Архив РАН, ф. 579, оп. 1 доп., д. 679, л. 1–2.

Примечания

¹ Следует отметить, что ранее в этой же газете была опубликована пространная, основанная на китайских материалах статья молодого китаиста М.В. Крюкова под названием «Сыма Цянь – выдающийся древнекитайский историк» (см. [3, № 155 от 14 октября 1955 г.]).

² Как видно из переписки Президиума АН СССР с президентом Академии Наук Китая Го Можо, разделы о Китае для «Всемирной истории», в том числе написанные Л.И. Думаном, были прорецензированы китайскими учеными, причем по просьбе советской стороны из Пекина поступило для шестого тома этого коллективного труда 10 иллюстраций, переданных вскоре в Институт истории АН СССР (см. [2, ф. 579, оп. 1 доп., д. 385, л. 22 – письмо Го Можо от 22 марта 1956 г. на китайском яз.; л. 23]).

³ Подробнее об известном китаеведе-лингвисте Илье Михайловиче Ошанине (1900–1982) см. [7].

⁴ Уже на начальной стадии составления этого русско-китайского словаря главному редактору И.М. Ошанину по его личной просьбе был прислан из Пекина подробный перечень городов Китайской Народной Республики, о чем он ранее просил в письме, направленном в Иностранный отдел Президиума АН СССР (см. [2, ф. 579, оп. 1 доп., д. 116, л. 22 – китайский текст ответного письма Го Можо от 14 марта 1955 г.]).

⁵ Жителям Пекина, знакомым с публикациями столичной прессы, была уже известна фамилия Лазаря Исаевича, так как она фигурировала в статье Е.Ф. Ковалева «Изучение Китая в Советском Союзе», появившейся 10 декабря 1955 г. в газете «Дружба». В этой статье были упомянуты многие известные (исключая В.С. Колоколова) китаеведы, в том числе В.М. Алексеев, Г.В. Ефимов, Л.З. Эйдлин, А.А. Драгунов и С.Л. Тихвинский, о котором автор статьи счел необходимым сообщить, что С.Л. Тихвинский готовит к изданию обстоятельную работу об известном китайском реформаторе Кан Юэе (см. [9, № 204 от 10 декабря 1955 г.]).

⁶ При всей строгости тогдашнего распорядка в Академии Наук относительно посещения ее сотрудниками академических учреждений в установленные администрацией рабочие дни упомянутое ходатайство Отдела Китая тем не менее было удовлетворено (зам. директора Р.Т. Ахрамовичем), что позволило Л.И. Думану больше сосредоточиться на проблемах, волновавших тогда не только его лично, но и коллег.

⁷ Из работ Л.И. Думана, опубликованных после его кончины, можно указать в качестве примера его научных интересов последнего времени статью «Проблемы внешней политики киданей в VII–X вв.», вышедшую в Новосибирске. См.: «Восточная Азия и соседние территории в средние века. История и культура востока Азии. Новосибирск, изд. «Наука», Сибирское отделение, 1986, с. 13–21.

⁸ Судя по всему, речь в данной записке, относящейся, по-видимому, к концу 30-х годов, шла о возможном, по мнению В.М. Алексеева, присвоении Л.И. Думану, работавшему в Институте востоковедения и вузах Ленинграда, степени доктора исторических наук по числу опубликованных им научных работ (без защиты диссертации) либо звания профессора, которое могло быть присвоено за заслуги в научно-педагогической деятельности (без защиты докторской диссертации), что

имело место в случае с известным до Великой Отечественной войны китаеведом-лингвистом В.С. Колоколовым (см. [8]).

⁹ Речь идет о награждении Л.И. Думана орденом «Красная звезда» (в сентябре 1945 г.) и медалью «За победу над Германией» (в августе того же года). В апреле 1946 г. его наградили медалью «За победу над Японией», а в мае 1948 г. – одноименной монгольской медалью «За победу над Японией». В 1951 г. военная служба Л.И. Думана была отмечена медалью «За боевые заслуги». После долгожданной демобилизации в чине подполковника он был удостоен – по представлению АН СССР – ордена «Знак почета», обычно вручаемого истинным труженикам науки и педагогам с большим стажем работы.

¹⁰ В автобиографии, написанной 18 марта 1953 г., Л.И. Думан, в частности, отмечал: «Находясь в Армии, продолжал заниматься научной работой по своей специальности. За это время опубликовал свыше 10 статей в армейской печати (в газете «Во славу Родины». – А.Х.) и до 20 статей (за период 1946–1951 гг.) на китайском языке». Среди последних упомянутых трудов, опубликованных в китайской газете «Шихуабасе», наиболее интересны, на наш взгляд, статья «Уроки истории» (о годовщине Китайской революции 1911 г.), вышедшая в свет в 1951 г., и ряд публикаций о политике США в Китае в разные периоды новой и новейшей истории Китая.

¹¹ После подписания в Москве в 1955 г. советско-китайского соглашения о передаче Порт-Артура и г. Дальнего правительству КНР, в ведение местных китайских властей этого района перешел военно-исторический музей в Порт-Артуре, в создании которого принимал активное участие Л.И. Думан. Интересную информацию об этом музее приводит газета «Дружба» вскоре после его официального открытия. Вот что сообщала она 31 июля 1955 г.: «В центре внимания всех – мощный советский танк на постаменте, на котором на мемориальной доске выгравирована надпись “Слава Советской Армии – армии-освободительнице”. Этот... танк прошел от Сталинграда до Берлина и затем до Порт-Артура... Центральная часть музея, состоящая из шести отделов (всего их 11. – А.Х.) посвящена войне китайского народа против японских захватчиков... В числе экспонатов – карта боевых действий Объединенной Демократической армии Северо-Востока...

В музее открыт отдел, посвященный пребыванию советских войск в Порт-Артуре. В нем представлено большое количество фотографий, отражающих... дружеские взаимоотношения советских войск и местных жителей, [экспонируются] медали, которыми правительство КНР наградило советских бойцов, и подарки местных жителей бойцам Советской Армии, [врученные им] во время их возвращения на Родину». Нетрудно представить, сколь великой и значимой была работа Л.И. Думана и его помощников среди местного населения – т. наз. «лаобайсин».

¹² Речь идет о В.Г. Илларионове из г. Горького (Нижнего Новгорода). Им опубликована популярная брошюра «Русский синолог В.П. Васильев. 1818–1900 гг.» (Горький, 1959, 28 с.).

¹³ На документе имеется резолюция: «Т. Рахманинову. Пр[ошу] под[готовить] предст[авление]. Видимо, надо продлить». 19 февраля [1957 г.].

Литература

1. Архив Института востоковедения Российской академии наук (РАН). Личное дело Л.И. Думана.
2. Архив РАН (Москва).
3. С.-Петербургский филиал Архива РАН.
4. Сборник научных работ комсомольцев АН СССР. Л.–М., 1936.
5. Список основных работ Л.И. Думана (К 60-летию со дня рождения) // «Народы Азии и Африки», 1967, № 4, с. 222–223.
6. *Хохлов А.Н.* Памяти Лазаря Исаевича Думана // «Народы Азии и Африки», 1980, № 1, с. 247–248.
7. *Хохлов А.Н.* Китаист И.М. Ошанин и его служба на дипломатическом поприще в Китае // Китайское языкознание. Изолирующие языки. XI Международная конференция. Материалы. М., 25–26 июня 2002 г. М., 2002, с. 288–301.
8. *Хохлов А.Н.* Китаисты С.А. и В.С. Колоколовы: отец и сын (К проблеме преемственности традиций в отечественном востоковедении) // Китайское языкознание. XII Международная конференция. Материалы. М., 2004, с. 371–381.
9. «Дружба» (Пекин).
10. «Народный Китай» (Пекин).